

Чарльз Диккенс, Чарльз Коллинз

Судебный процесс по делу об убийстве

*Часть сборника
Большое собрание мистических
историй в одном
томе*

Чарльз Диккенс

**Судебный процесс
по делу об убийстве**

«ЭКСМО»

1865

Диккенс Ч.

Судебный процесс по делу об убийстве / Ч. Диккенс — «Эксмо», 1865

«Я всегда замечал, что даже у людей весьма умных и образованных редко хватает мужества рассказывать о странных психологических явлениях, имевших место в их жизни. Обычно человек боится, что такой его рассказ не найдет отклика во внутреннем опыте слушателя и вызовет лишь смех или недоверие. Правдивый путешественник, которому доведется увидеть чудище вроде сказочного морского змея, не колеблясь сообщит об этом; но тот же самый путешественник вряд ли легко решится упомянуть о каком-нибудь своем странном предчувствии, необъяснимом порыве, игре воображения, видении (как это называют), пророческом сне или другом подобном же духовном феномене. Именно подобной сдержанности я приписываю то обстоятельство, что эта область окутана для нас таким туманом неопределенности. Мы охотно говорим о фактах окружающего нас внешнего мира, но о своих переживаниях, не поддающихся рациональному объяснению, предпочитаем умалчивать. Вот почему обо всем этом нам известно недопустимо мало...»

Чарльз Диккенс, Чарльз Оллстон Коллинз

Судебный процесс по делу об убийстве

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Я всегда замечал, что даже у людей весьма умных и образованных редко хватает мужества рассказывать о странных психологических явлениях, имевших место в их жизни. Обычно человек боится, что такой его рассказ не найдет отклика во внутреннем опыте слушателя и вызовет лишь смех или недоверие. Правдивый путешественник, которому доведется увидеть чудище вроде сказочного морского змея, не колеблясь сообщит об этом; но тот же самый путешественник вряд ли легко решится упомянуть о каком-нибудь своем странном предчувствии, необъяснимом порыве, игре воображения, видении (как это называют), пророческом сне или другом подобном же духовном феномене. Именно подобной сдержанности я приписываю то обстоятельство, что эта область окутана для нас таким туманом неопределенности. Мы охотно говорим о фактах окружающего нас внешнего мира, но о своих переживаниях, не поддающихся рациональному объяснению, предпочитаем умалчивать. Вот почему обо всем этом нам известно недопустимо мало.

Рассказ мой не имеет целью ни выдвигать какую-либо новую теорию, ни опровергать или поддерживать уже существующие. Мне хорошо известен случай с берлинским книготорговцем, я внимательно изучил историю жены королевского астронома, сообщаемую сэром Дэвидом Брустером, и я знаю все подробности того, как призрак являлся одной даме, с которой я хорошо знаком. Пожалуй, следует упомянуть, что дама эта не состояла со мной ни в каком родстве – даже самом дальнем. Если бы я этого не оговорил, часть того, что мне пришлось пережить, могла бы получить неправильное истолкование. Но только часть. Мой случай не может быть объяснен какой-либо странной наследственностью, и ни прежде, ни после со мной ничего подобного не происходило.

Несколько лет тому назад (не важно, сколько именно) в Англии было совершено убийство, наделавшее много шума. Нам и так приходится слишком много слышать об убийцах, по мере того как они один за другим получают право на этот зловеющий титул, и если бы я мог, то с радостью похоронил бы все воспоминания об этом бесчувственном негодяе, подобно тому как тело его похоронено в Ньюгейте. Поэтому я сознательно опускаю все указания на личность преступника.

Когда убийство было обнаружено, против человека, впоследствии за него осужденного, не было никаких подозрений – впрочем, вернее будет сказать (в своем рассказе я хочу излагать факты с предельной точностью), что об этих подозрениях нигде не упоминалось. Газеты ничего о нем не говорили, и, следовательно, в них не могли тогда появиться его описания. Это обстоятельство необходимо иметь в виду.

Газету, содержащую первое сообщение об этом убийстве, я раскрыл за завтраком, и оно показалось мне настолько интересным, что я прочел его с глубочайшим вниманием. А затем дважды перечитал. Там сообщалось, что все произошло в спальне, и, когда я положил газету, меня вдруг толкнуло... захлестнуло... понесло... не знаю, как описать это ощущение, у меня нет для него слов, – и я увидел, как эта спальня проплыла через мою комнату, словно картина, каким-то чудом написанная на струящейся поверхности реки. Она промелькнула почти мгновенно, но была поразительно четкой – настолько четкой, что я с большим облегчением заметил отсутствие труп на кровати.

И это необъяснимое ощущение охватило меня не среди каких-либо романтических развалин, а в доме на Пикадилли, неподалеку от угла Сент-Джеймс-стрит. Никогда прежде мне не случалось испытывать чего-либо подобного. По телу у меня пробежала странная дрожь, и кресло, в котором я сидел, немного повернулось (следует, впрочем, помнить, что кресла на колесиках вообще легко сдвигаются с места). Затем я встал, подошел к одному из окон (в комнате их два, а сама комната расположена на третьем этаже) и, стараясь отвлечься, устремил взгляд на Пикадилли. Было солнечное утро, и улица казалась оживленной и веселой. Дул сильный ветер. Пока я смотрел, порыв ветра подхватил в Грин-парке сухие листья и закружил их спиралью над мостовой. Когда спираль рассыпалась и листья разлетелись, я увидел на противоположном тротуаре двух мужчин, двигавшихся с запада на восток. Они шли друг за другом. Первый то и дело оглядывался через плечо. Второй следовал за ним шагах в тридцати, угрожаясь поднимать руку.

Сначала меня поразила странная неуместность такого жеста на столь людной улице, но затем я был еще больше удивлен, заметив, что никто не обращает на него ни малейшего внимания. Оба этих человека шли сквозь толпу так, словно на их пути никого не было, и ни один из встречаемых, насколько я мог судить, не уступал им дороги, не задевал их, не глядел им вслед. Проходя под моими окнами, оба они посмотрели на меня. Я хорошо разглядел их лица и почувствовал, что отныне всегда смогу их узнать. Однако они вовсе не показались мне примечательными – только у человека, шедшего впереди, был необычайно угрюмый вид, а лицо его преследователя напоминало цветом плохо очищенный воск.

Я холостяк; вся моя прислуга состоит из лакея и его жены. Я служу в банке и от души желал бы, чтобы мои обязанности в качестве управляющего отделением были и в самом деле столь необременительны, как это принято считать. Из-за них я был вынужден этой осенью остаться в Лондоне, хотя мне настоятельно требовалось переменить обстановку. Болен я не был, но не был и здоров. Пусть мой читатель сам по мере сил представит себе угнетавшее меня чувство безразличия, порожденное однообразием жизни и «некоторым расстройством пищеварения». Мой весьма знаменитый врач заверил меня, что состояние моего здоровья вполне исчерпывается этим диагнозом, который я цитирую по его письму, присланному им в ответ на мою просьбу дать свое заключение, не болен ли я.

По мере того как выяснялись обстоятельства этого убийства, оно начинало все больше и больше интересовать публику – но не меня, ибо, несмотря на всеобщее возбуждение, я предпочитал знать о нем по возможности меньше. Однако мне было известно, что против предполагаемого убийцы выдвинуто обвинение в преднамеренном убийстве и что он заключен в Ньюгейт, где и ожидает суда. Мне было известно также, что его процесс перенесен на следующую сессию Центрального суда по уголовным делам, ибо общее предубеждение против преступника было слишком велико, а времени для подготовки защиты оставалось недостаточно. Возможно, я слышал также (хотя далеко в этом не уверен), когда именно должна была начаться эта сессия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.